

Константин ГНЕТНЕВ

г. Петрозаводск

Выпьём за тех...

**Повествование о некоторых годах жизни моего отца,
ветерана Беломорско-Балтийского канала
и фронтовика Великой Отечественной войны
Василия Ивановича ГНЕТНЕВА**

*Многочисленны и огромны были
грехи русского народа, но в годы голода,
страданий и смерти народ искупил их,
заплатив сполна за все свои прегрешения.*

Питирим Сорокин

1

Тосковать отец начинал за несколько дней до военных праздников. В первые день-два еще приходили друзья, гомонили за столом – дым коромыслом. Потом он оставался один, ставил перед собой большую бутылку темного вина, которую почему-то называл «монахом», молча смотрел на лес за окном и долго-долго о чём-то думал, тяжело опершись на ладонь здоровой руки.

Бывало и так, что к вечеру, отяжелев, вдруг принимался рассказывать о войне и иногда петь. Ни из рассказов, ни из пения ничего не получалось, он начинал плакать и ругаться. Но именно в эти минуты слышал я от него песню, которую редко исполняли прежде и почти не исполняют теперь:

*Выпьём за тех,
Кто командовал ротами,*

*Кто замерзал на снегу,
Кто в Ленинград пробирался
болотами,*

Горло ломая врагу...

От него я узнал названия неведомых прежде мест: Мга, Назия, Синявинские болота, и что стволки у ППШ делали из плохой стали и после нескольких очередей автомат начинал «плевать» пулями на 15–20 метров. И пружина в дискемагazine была слабой и не досылала патрон, если ты набил его с вечера*.

Тогда же в детстве услышал я от него, очень к тому времени нетрезвого, про ранение осколком гранаты в ногу и про другое ранение, другим осколком, который срезал локтевой сустав правой руки. Точнее, успел услышать, прежде чем он начал ругаться и плакать.

* Много позже я выяснил, что претензии отца относились не к ППШ (пистолет-пулемёт Г. С. Шагина), а к ППД (пистолет-пулемёт В. А. Дегтярёва), с которым, видимо, ему также пришлось иметь дело на фронте в течение некоторого времени. Как отмечают современные эксперты, в условиях боя исправление недостатков, о которых говорил отец, «делает владельца ППД потенциальным мертвецом» (Благовестов А. И. То, из чего стреляют в СНГ: Справочник стрелкового оружия. – Мн.: Харвест, 1999, с. 194).

Из сохранившихся с детства обрывков отцовских воспоминаний, которые, как я понимаю теперь, давались ему мучительным напряжением воли, выходило, что война совсем не такая, как о ней написано в книжках и показывают в кино. Теперь же, пережившему отцу на десять лет, мне хочется написать о некоторых важных этапах его непростой жизни – так, как они представляются мне из сохранившихся документов, свидетельств очевидцев и работ историков. Я вполне отдаю себе отчёт, что в итоге получится не описание, не краткий очерк, а конспект нескольких лет жизни. Да разве может кто-либо всерьёз утверждать, что сумел описать жизнь человека в её сложной и перепутанной полноте?

Много позже я узнал, что песня, которую так любил отец, называется «Волховская застольная». Написана она на слова поэта, военного корреспондента Павла Шубина – весёлого и талантливого парня, прожившего до обидного короткую жизнь. В восприятии фронтовиков песня стала гимном Волховского фронта, обросла мифами и вариантами так, что не разберёшь теперь, что в ней от Шубина, а что от иных стихотворцев. Так бывает только с насущными талантливыми произведениями.

На Волховском фронте воевал мой отец, прорывая блокаду Ленинграда.

Очень хочется начать рассказ именно с военной истории. Но я понимаю, что сделать это не удастся. Сразу возникают вопросы, на которые невозможно дать коротких ответов. Первый вопрос такой: почему здоровый 27-летний мужчина не был мобилизован на фронт с объявлением войны, как тысячи и тысячи других, то есть в июне-июле-августе 1941 года? Вопрос второй: почему в конце 1941 года он оказался в глубоком тылу, в Коми АССР, попав в эвакуацию как какой-нибудь старик или обременённая малолетними детьми женщина?

В чём тут дело?

Поэтому я вынужден начать не с 1941-го, а с 1933 года.

2

Описывать биографии – скучнейшее занятие для литератора. Да и читать их не самый большой подарок. Однако бывает, что деться некуда, и сегодня как раз такой случай.

Мой отец, Гнетнев Василий Иванович, родился в ЦЧО – так в 30-е годы обозначали в документах Центральную Чернозёмную область России. В разные годы село Грызлово Долгоруковского района территориально принадлежало Курской, Воронежской и Орловской областям, а теперь приписано к Липецкой. Ближайший город нахо-

дится в сорока километрах – это знаменитый Елец, а до Москвы всего 300 километров прекрасной федеральной трассы.

В самом начале 1990-х годов я посадил в машину сыновей и поехал в родную деревню отца, чтоб глазами северянина посмотреть самому и показать детям исконную Россию, вдохнуть воздух несостоявшейся малой родины. Никого в Грызлово не знал, кроме имени двоюродной сестры, никаких адресов не имел, а полностью положился на свой опыт. Смешно вспомнить теперь, как этот опыт меня подвёл...

В магазинах тогда не было ничего, что можно было взять в качестве подарка для никогда не виденной мною сестры Раисы Семёновны. Но изловчился и купил большую коробку индийского чая «со слонем» – невероятный дефицит. Какая же русская хозяйка не порадует на селе такому подарку, наивно размышлял я.

Заканчивался сентябрь, и за автомобильным окном на многие километры было сыро, сумеречно, промозгло. Измотанный дальней дорогой, я мечтал поскорее добраться и отдохнуть.

«Сегодня воскресенье, а баню, как водится, они топили вчера, – думал я, глядя, как «дворники» размазывают на лобовом стекле струи дождя. – Но попрошу, пусть подтопят и сегодня. После такого пути мне без бани никак нельзя...»

Мечты о жаркой бане и крепком чае долго согрели меня душу. И как же удивительно было услышать в первые минуты, что бани в Грызлово... нет. Ни одной!

– А как же вы моетесь? – растерянно спросил я мужа сестры Александра Кузьмича Рязузова. Осанистый и веселый мужчина, владелец «Жигулей» шестой модели, а потому вольный и хозяйственный, он ответил просто:

– Я езжу в соседний Стрелец, а Раиса моется здесь.

Где «здесь», я так и не понял. В доме места для мытья не было, да и во дворе тоже. Там я увидел помещения для скота, амбар, огорода, а дальше – сад...

Не лучше обернулось и с чаепитием.

– Это что, чай? – недоумённо спросила Раиса, вертя в руках коробку с дефицитным «слоном».

– Индийский, – подтвердил я. – Вещь! Особенно если с дороги...

– Так мы чай не пьём. Что пустую воду хлебать. Пить хочешь, молока налей – хоть парного, хоть утреннего. А молока не хочешь, взвар вот стоит, аж цельная кастрюля. А воду, что её пить...

Так я познакомился с бытом исконно русской крестьянской деревни. И прямо скажу, был сражен...

Вечером с прогулки пришли сыновья. Взволнованно, перебивая друг друга, рассказывают:

– Нас один пьяный дяденька остановил и спрашивает: «Чи вы?» Мы говорим: «Гнетневы». Он стал ругаться матом и кричать, что здесь все Гнетневы. Папа, а что, тут точно все Гнетневы?

Не все теперь в Грызлове Гнетневы. На памятнике не вернувшимся с фронтов Великой Отечественной войны я насчитал лишь 15 однофамильцев. А всего там несколько десятков имён.

Село стоит на чернозёмах. Растёт тут всё, что только ни сунешь в землю. Громадные открытые пространства вокруг и сады, сады, сады...

– Эх, не в тот год приехали! – сокрушается хозяин Рягузов. – Нет нынче ни яблок, ни слив – ничего...

Мы смотрим вокруг и не понимаем горькой хозяйской печали: вот яблони – ветки гнутся от яблок; вот слива – вся в спелых плодах... Александр Кузьмич подходит к ближайшему дереву, трясёт, и яблоки дождём гулко тукают о землю.

– Разве же это яблоки?! – говорит он презрительно. – Это не яблоки. Вот в прошлом году приехали бы с прицепом, мы бы вам насыпали до краёв. А это – что...

Выяснилось, что в жизни на чернозёмах есть и недостатки. Один из них – непролазная грязь, которая образуется в дождь. Грызловская земля – это чернозёмный слой 40-60 сантиметров, а под ним мощный пласт глины. Вода не уходит, а напитывает верхний слой. День-два прольёт, чернозём, будто губка, напитается, и пиши пропало: проедешь только на танке.

– Покойников в воду хороним, – грустно говорят в Грызлове. – Всё глина, будь она неладна...

Крестьянская жизнь здесь была, есть и будет. И никакой другой не надо – при такой-то земле, при таком целебном климате и воздухе, которым дышишь, дышишь и не надышишься...

И дед наш Гнетнев Иван Степанович всегда был крестьянином. Он сходил на Гражданскую войну и честно отвоевал за большевиков с 1919 по 1922 год. Потом с супругой Степанидой Николаевной, моей бабкой, они народили семерых сыновей и двух дочерей. В селе сохранился их дом красного кирпича, в нём жил один из сыновей, Николай. На войне немецкая пуля попала ему точно в грудь и вышла из спины, оставив шрам в форме звёздочки. Рана не очень помешала Николаю после войны ни в работе, а работал он много, ни в осуществлении вредных мужских излишеств, в которых, как говорят, он себе не отказывал.

Мы Николая немного не застали – он умер меньше года назад. Но на крыльце дома поговорили с его вдовой, в прошлом учительницей

Клавдией Михайловной, и посмотрели могучие старые яблони, посаженные руками деда.

Мне рассказывали, что семеро здоровенных, исполненных гонора, рукастых и головастых сыновей Ивана Степановича могли всё: и работали с утра до ночи, и гуляли широко. Построили «вечный» дом отцу из редкого в ту пору и дорогого кирпича. Иван придумал мельницу-крупорушку, и её быстро построили во дворе. Лошадь ходила по кругу и при помощи трансмиссии вращала жернова. Крестьяне со всей округи приезжали молот просо...

Сыновья вырастали, женились, ставили свои дома, разводили скот, огороды и сады. Семья Ивана Степановича и Степаниды Николаевны Гнетневых никогда и ни в чём не испытывала нужды.

...В конце 1960-х, когда впервые и очень робко заговорили о раскулачивании, я, не представляющий в то время ничего об этой странице отечественной истории, спросил отца. Ответ поставил меня в недоумение.

– Если бы всё вернулось, – ответил отец угрюмо, – нас бы снова раскулачили...

Видно, на моём лице было написано полное непонимание политики ВКП(б) в переживаемый исторический отрезок. Отец, как мог, попытался объяснить:

– Ты вырос, женился, поставили дом, семья у тебя, лошадь, корова; потом Вовка вырос, потом Валерка, потом Витюк... Считай, сколько домов, лошадей, коров и петухов с курами? Вот и всё. Кулаки, твою мать...

До октябрьского переворота 1917 года в Грызлове насчитывалось 450 дворов и более 900 лошадей, и никто не голодал. Не могу сказать, что такие семьи, как у Ивана Степановича, были во всех дворах. Знаю другое: на них, как на прочном фундаменте, во многом держался сельский мир.

Потом настало время этот исконно русский, крестьянский мир разрушать и создавать колхозы. Большевики-партийцы начали излюбленную практику – одних натравливать на других. Однофамилец, встреченный мной в начале 80-х годов прошлого столетия в городе карельских бумажников Сегеже, Андрей Аверьянович Гнетнев до войны жил в Грызлове и вспоминал, как большевистскую политику проводил учитель сельской семилетки Лавров Василий Иванович. На большой шоме он громко объявлял:

– Дети колхозников идут шамать, а дети единоличников идут домой...

Особенно лютовал Лавров во время раскулачивания. Андрей Аверьянович вспоминал излюбленный приём Лаврова: врывался в дом, забирал всё, что попадалось на глаза, и, если в этот момент дети на-

чинали плакать, открывал окно и выбрасывал детей на улицу. Мороз – не мороз... Так он поступил даже со своим соседом: выворотил амбары, вынес всё, а потом выбросил рахитичного ребёнка из окна...

Славный ленинец Лавров В.И. до такой степени осточертел в селе Грызлово, что в 1934 году, когда всех кулаков и подкулачников уже вычистили и они валили лес в Северном краю, здешняя земля носить его отказалась. Односельчане его попросту убили. На похоронах члены местной ячейки говорили речи о «славной жизни, отданной за счастливое будущее» неизвестно кому, и только один мужик по кличке Мамай, в прошлом красный партизан, произнёс нечто странное для торжественного момента:

– Спи, дорогой Лавров. И не такие, как ты, погибали. А уж тебе-то...

Каждый из присутствующих добавил про себя то, что недосказал партизан: «...только там и место».

Раскулачивание в Грызлово не было чем-то неожиданным для крестьян. О нём знали и по-своему готовились. В начале 1930-х годов дед работал заведующим хлебофуражным пунктом при железнодорожной станции Долгоруково, что неподалёку от села. Работа предполагала поездки по всей округе. И он много ездил, в каждом селе, в каждой деревне и на хуторах имел знакомых и подолгу жил у них. Вообще, по рассказам, Иван Степанович был уважаемым человеком, обожал застолья, имел неплохой голос, любил и умел петь. Злые языки приписывают ему и повышенное внимание к женщинам, часто взаимное.

Так вот Иван Степанович знал о готовящейся высылке и потому уехал и долго переезжал из одного села в другое, оттягивая страшный момент. А его ждали... По договорённости с отцом двое старших сыновей, Иван и Тихон, незаметно исчезли из села навсегда; они убежали с друзьями от высылки на юг, в Россошь и Ростов-на-Дону. В специальной литературе это бегство называется самораскулачиванием. Учёные подсчитали, что таким образом убежали из родных деревень, бросив своё хозяйство, владельцы почти 250 тысяч хозяйств. Сколько в этих хозяйствах оказалось беглых крестьянских душ, никто не знает. Но это можно прикинуть, умножив на состав семьи моего деда. В те времена в русской деревне большая семья Ивана Степановича вовсе не была редкостью.

С началом Великой Отечественной войны Иван оказался в оккупации и умер от болезни лёгких, а Тихон прошёл всю войну в десантных войсках и вернулся из Берлина целёхонек, с трофейным аккордеоном и большой шишкой на голове – след от пули, ударившей на излёте. Носить каску у фронтовиков считалось западло. Я был знаком с

Тихоном Ивановичем, в 1965 году по поручению отца ездил погостить в Россошь.

Сюжет требует назвать детей Ивана Степановича, расставив их по старшинству. Однако сделать это трудно. Данные о рождении у меня из архивов МВД, а верить им нет никакой возможности. Могу поручиться только за отца, родившегося не в 1913-м, как пишут архивисты, а в 1914 году, его младшего брата Владимира (1916 год, а не 1917) и сестру Екатерину (1911 год). А вот, скажем, годы рождения Александра, Ивана, Семёна и Тихона я точно не знаю, а у сестры Прасковьи он 1908-й, а не 1898-й, как утверждает справка МВД.

Однако вернёмся в Грызлово, где идёт зачистка-раскулачивание...

Сколько бы дед ни бегал по Долгоруковскому району Центрально-Чернозёмной области, ссылаясь на дела службы, финиш приближался неумолимо. 21 ноября 1933 года райисполком получил списки, составленные комитетом бедноты (Лавровым и его поделниками из местного комбеда), утвердил собственным постановлением и передал местному отделу НКВД для исполнения. С этого момента Гнетнев Иван Степанович, 1875 года рождения (не проверено!), малограмотный, социальное происхождение – из крестьян-кулаков, социальное положение – кулак-лишенец, специальность общая – хлебороб, специальность узкая – плотник (стаж 6 лет), судимость – нет*, превратился в злого врага молодого большевистского государства.

Так дорого обошлись его семье «вечный» дом красного кирпича, мельница-крупорушка и наполненная трудом достойная жизнь.

21 ноября 1933 года врагами государства стали также жена Степанида Николаевна и два их сына, Василий Иванович и Владимир Иванович. И как враги они подлежали высылке на Север. Их посадили в вагоны для перевозки скота – «телятники» и с сотнями других эшелоном отправили в Карелию.

Исправляться...

Вслед за ними отправили старшую дочь деда Прасковью. Она отправилась в ссылку вместе с семьёй, в которой было уже трое детей.

Любопытно, что муж Прасковьи, сосланный вместе с ней, Григорий Васильевич, знаменитый в округе столяр, в эти дни ремонтировал здание... местного НКВД. Рассказывают, что он был не только знаком, но очень даже авторитетен среди защитников революции, с горячим сердцем и очень холодной головой.

* Из семейной карточки, хранящейся в архиве МВД РК.

Григорий Васильевич Малютин был мастер-краснодеревщик, каких поискать. Я жил в его доме в Медвежьегорске на улице Северной в 1957–1958 учебном году, когда учился в 4 классе на Вичке, в маленькой сельской школке, которой руководила его дочь Валентина, моя двоюродная сестра. Он владел собственной комнатой, где главным предметом мебели был верстак, заставленный и завешанный самым различным столярным инструментом. Однажды за этим грубым верстаком Григорий Васильевич сделал мне летающую модель планера из тончайших, ювелирно выструганных и подогнанных деталей...

Всего за первую декаду декабря 1933 года в Карелию, в распоряжение Беломорско-Балтийского комбината ОГПУ прибыли 7325 кулаков (2245 мужчин, 2032 женщины и 3048 детей). Центрально-Чернозёмная область освободилась от 388 кулацких семей, которые очень мешали ей «плыть в революцию дальше». О том, как их везли на Север, я уже рассказывал в одной из своих книг.* В эшелоне оказался с семьёй и В.Е.Москвин, ровесник и давний знакомый моего отца. В феврале 1991 года мы встретились, и он рассказал мне, как это было.

«...В телятники нас посадили, двери закрыли. Из окна – только маленькое окошко за решеткой, отдушина; металлические печки поставили – ни согреть, ни сварить ничего, всё дрожит, трясётся, проволочкой кастрюльку за трубу привяжут...

Объявили, что едем на лесозаготовки, а топоры и пилы от нас собрали и где-то в вагоне заперли. Дров для печурок не давали, изредка кинут уголька в ведёрко на вагон, так мы ножами под нарами досок настругаем...

Целый месяц так ехали, целый месяц...

Нары в два-три этажа, набиты до предела. Вагончики были старые, 16,5 тонны, 50 человек семейных, надо всем покушать. Туалет – дыра в полу пробита да тряпкой занавешена, одеяло старое...»

Как ехали Гнетневы, вместе ли, в одном «телятнике», либо по отдельности, чем занимались и что думали весь этот путь в неизвестность, мне неизвестно. Ни отец, ни кто другой из родни никогда не рассказывали об этом. Думаю, что отец с младшим братом не очень-то страдали, разве только страшно хотели есть. Здоровым и сильным парням в таком возрасте хочется только действовать и есть, есть и действовать. В то время отцу исполнилось 19, а брату Володе 16 лет. Наверное, мамой Степанидой Николаевной приставлены были помогать старшей сестре Прасковье. С Прасковьей и Григорием ехали в ссылку 13-летняя дочь Валентина, 11-летний сын

Иван и 5-летняя дочь Александра. Им было гораздо труднее.

О самой высылке и долгом пути на Север удалось узнать только один печальный факт. В.Е.Москвин вспомнил, что Иван Степанович «вроде немного тронулся умом». И по этой причине всю дорогу... пел.

– Пел он здорово, – рассказал Василий Евдокимович. – Мы все его слушали и очень жалели...

В. Е. Москвин продолжает свой рассказ:

«В Званке нас помыли в бане – все обовшивели. Званка между Чудовом и Волховстроем. А потом Сорока. Выгрузили и пёхом отправили в Шижню, там лагерь разгрузили, и нас в освободившиеся бараки под охрану. Вот здесь началась дифтерия, и дети дошкольного возраста все наповал поумирали. Из ребят остались только те, кто к нам на посёлок Верхняя Идель приехал...

В Шижне сразу собрали мужиков и парней и отправили в Верхнюю Идель строить посёлок. Вернее, достраивать, так как там уже были бараки, построенные заключёнными, и недостроенные здания, строить которые начали канадские финны. Было несколько бригад на строительстве, в том числе и бригады малолеток... За все эти дома с нас потом высчитали из зарплаты, заставили вроде выкупить...»

... Вспоминаю: когда отец хотел меня, подростка, в чём-то упрекнуть, говорил:

– Я в твои годы уже плотницкой бригадой командовал. А ты с удочкой только берега околачиваешь...

Я думал, сочиняет в воспитательных целях: когда это он успел бригадой поруководить? Но, видно, бригада всё-таки была, хоть из малолеток; а что-то, но командовать отец умел...

Кулаки выстроили в Верхней Идели около сотни домов. Были здесь детский сад, клуб, овощехранилище, конюшня, комендатура, столовая с пекарней и магазином, а позже и собственный колбасный цех. Лес за озёрным заливом свели, землю разделали и выращивали всё, что хотели, – картофель, капусту, свеклу. Овощехранилище, вспоминает Москвин, на зиму забивали под крышу...

За построенные своими руками дома пришлось самим же заплатить. Квартира в двухквартирном доме обошлась семье в 2600 рублей. Много это или мало? Судите сами. При работе в лесу по 10–12 часов, без выходных, праздников и отгулов, за день ударной работы удавалось заработать до трёх рублей, а в месяц до сотни...

* Беломорканал: времена и люди. – Петрозаводск. Острова, 2008, С.148-195.

Цинизм власти проявлялся ещё и в том, что у бывших кулаков до 25% крохотной зарплаты отбирали... в кассу НКВД. Таким образом, их заставляли оплачивать охрану, содержание комендатур и прочие расходы по собственному «управлению и обслуживанию».

Следует отметить здесь, что и Москвиным, и Гнетневым, и остальным кулакам крупно повезло. В Верхней Идели ни мох, ни собак не ели. Вот что, к примеру, сообщали о положении дел на местах автору катастрофы российского крестьянства ещё за полгода до гризловской высылки:

О ПОЛОЖЕНИИ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В ЛЕСНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ НА СЕВЕРЕ

*11 мая 1933 г. Совершенно секретно
Дорогой тов. Сталин.*

К настоящему времени в ведении трестов лесной промышленности края находится 34827 семейств спецпереселенцев (120170 человек), из которых 18650 человек взрослых нетрудоспособных и 41610 детей до 16 лет.

Прибывшие в текущем году семьи спецпереселенцев в большинстве своём состоят из нетрудоспособных (большинство глав семейств изолированы в особом порядке и в спецпосёлки не пошли).

Все спецпереселенцы размещены в 201 спецпосёлке, вновь выстроенном в лесной глуши, в необжитых местах, с расчётом преимущественного использования рабсилы переселенцев на лесозаготовках.

Ряд спецпосёлков уже стал на ноги, создана своя хозяйственная база: сельское хозяйство, кустарные промыслы, охота, сбор ягод и др. В таких спецпосёлках почти нет текучести, выход на работу полнее, производительность выше, люди осели и к хозяйству прирастают.

Однако в значительной части посёлков картина иная. В этих посёлках отмечается голодовка, высокая смертность (особенно детей). В пищу идут всевозможные суррогаты, к хлебу примешиваются опилки, мох, кора, иногда употребляют павших животных. Отмечены даже отдельные случаи людоедства (так, например, Черевковский район).

*Полномочный представитель ОГПУ
по Северному краю Аустрин
Начальник секретно-политического
отдела полномочного представителя ОГПУ Саенко
(ГАОПДФАО.Ф.290, оп. 1, д. 1437, л. 134.)*

Кулаки-трудпереселенцы, или колонисты, как мягко называли ссыльных в гражданских ведомствах Карелии, в зиму 1933–1934 годов строили посёлки и расселялись в районе железнодорожных станций Надвоицы и Шавань, вдоль рек Летней, Идели, Тунгуды, Сегежи и Верхнего Выга (Данилово). Их пригнали так много, что только в декабре 1933 года по направлению на север от Медвежьегорска до Сороки вынуждены были заложить сразу 15 посёлков.

Кулакам предстояло осваивать природные богатства в зоне ББК...

Беломорско-Балтийский канал уже отработал свою первую судоходную навигацию, и правительство поставило перед НКВД новые масштабные задачи. Вот как писал о них один из руководителей Главного управления лагерей ОГПУ Рапопорт:

ПРИКАЗ ПО ББК ОГПУ О ПОСТАВЛЕННЫХ ЗАДАЧАХ

10 сентября 1933 г.

Постановлением Правительства организован Беломорско-Балтийский комбинат ОГПУ. На Беломорско-Балтийский комбинат Правительством и Коллегией ОГПУ возложены задачи огромной государственной важности.

...Одной из важнейших задач, возложенных на Беломорско-Балтийский комбинат, имеющей исключительно важное значение для каждого заключённого, является заселение больших пространств на всём протяжении канала и тяготеющих к нему районов.

Эта задача будет осуществляться как путём организации специальных посёлков, населяемых трудпоселенцами, так и путём оставления в качестве вольнонаёмных рабочих, служащих предприятий комбината, всех освобождающихся и пожелавших остаться лагерников. Кроме того, на положение колонистов будут переводиться и те заключённые, которые систематической ударной работой, образцовым поведением в быту и сознательным отношением к делу докажут, что они действительно перековались и могут поэтому получить право на досрочное освобождение...

*Зам. начальника ГУЛАГа ОГПУ
и начальник Белбалткомбината Рапопорт
НА РК, Ф. 865, оп. 1, д. 51, л. 190-191.*

Пусть вас не смущает обращение к «лагерникам». Кулаки почти ничем от них не отличались.

Проживая в лесных посёлках, они, тем не менее, понимали, что находятся в ведении громадного исправительно-трудового лагеря, пусть и называемого «комбинатом». По закону, они считались репрессированными и лишались гражданского избирательного права и свободы передвижения. Они не могли быть членами профсоюза и не призывались в армию; при регистрации брака или развода, при рождении или смерти никаких документальных свидетельств им не выдавали...

Обычный рабочий скот...

Василий Евдокимович Москвин вспоминал:

– Рабочие табеля, пайки, как заключённым, нам давали на пятидневку. Это были карточки. Мы отрезали талончики и шли с ними в столовую. За пятидневку подсчитывали процент выполнения плана – кто 500, кто 600, так и определяли пайку. Если кто не вышел на работу, докладывают, приходит стрелок и ведёт в камеру – сиди сколько дадут – сутки, трое...

Зимой на лесозаготовке не заработаешься, день короткий, тут хочешь не хочешь, а завершай, а летом – от зари до зари. Все стирки, помывки и всякие домашние дела – это когда хочешь, тогда и делай, а на работу попробуй не пойти...

Было трудно в Верхней Идели. Много работали, тяжело выживали, но разве испугаешь крестьянина работой? Как я понимаю сейчас, они вообще мало чего боялись. Тот же Василий Москвин категорически отказался выходить на лесозаготовки.

– Я им говорю: я этот лес не сеял и пилить его не буду, что хотите, то и делайте. А за то, что мои родители – кулаки, не отвечаю...

Крутили-вертели в третьей части, совещались: давать десять лет за агитацию или погодить, а потом отпустили...

Молодые ребята после рабочих смен ходили на танцы в клуб, знакомились с девушками, женились...

...Вероятно, в середине 1980-х годов моя двоюродная сестра Валентина Григорьевна предложила съездить в Верхнюю Идель, куда попала девчонкой. В то время там еще не было дачного кооператива «Металлург» с его узкими улочками и сплошными заборами. Мы ходили по пустырю, по бывшим улицам и дворам, и Валентина Григорьевна вспоминала: «Вот тут была улица Челюскинцев, направо – Трудовая, там клуб с пекарней и столовой под одной крышей, рядом стоял наш дом...»

Вышли на берег озера и побродили по песчаному пляжу, пытаюсь отыскать сережку, которую потеряла летом 1935 года Валентинина подруга Ирина. Сестра показала: «Вон тот небольшой островок назывался «островом любви...»

1935 год оказался по-своему знаменательным для семейства Гнетневых.

Глава семьи так и не оправился от потрясения, пережитого при раскулачивании и высылке. Он и не болел ничем, но и работать не мог, а просто жил дома, копошась по хозяйству. Рассказывают, что к своим 60 годам он вообще никогда и ничем не болел.

Однажды в конце февраля 1935 года тёмным зимним вечером мой отец с братом вернулись с делянки. В окнах дома свет не горел. На крыльце отряхнули снег с валенок, вошли. В квартире было нетоплено и стыло, а в закутке за печью, подперев голову кулаками, сидел в любимой меховой безрукавке неживой отец...

23 февраля местная комендатура сообщила о смерти Ивана Степановича Гнетнева в колонизационную часть лагерного отделения в Майгубу. Похоронили его на своём кладбище. Место это называлось «за заливом». В конце 1990-х годов я еще находил там едва заметные могильные холмики, сплошь поросшие брусничником. Теперь расплахан до самого берега, и никто о бывшем кулацком кладбище не знает.

В этом же году, а может, чуть раньше, братья Василий и Владимир нашли себе по жене. Владимир женился на одногодке Анне Зыковой из трудпосёлка Каменка.

Посёлок этот до сих пор располагается на северном берегу озера Идель. Он удивительным образом пережил войну, благополучно избежал кампаний по переносам и укрупнениям. Эти кампании, призванные сделать жизнь советских людей ещё более счастливой, с удручающей безысходностью её только загаживали. И сегодня всякий, кто имеет желание взглянуть на кулацкий трудпосёлок образца 1933 года, сможет это сделать без особого труда. Большая часть домов, превращённых в дачные или просто покинутые хозяевами, стоят в Каменке всё в том же виде и порядке, в котором поставили их рачительные российские мужики и подростки 80 лет назад. Они оставили между домами значительные пространства, на которых можно было разбивать не только грядки, но целые огороды.

Мне рассказывали, что спасло Каменку особое внимание местной власти. Место отличное, дома добротные, отдалённость... И послевоенные начальники облюбовали посёлок под дачи. Ведь никто, кроме них, имеющих служебные машины, сюда добираться не мог. Адрес Каменки простой: 22-й километр дороги Кочкома – Ругозеро, поворот направо и ещё пять километров по красивой лесной дорожке.

Жизнь молодой семьи Гнетневых сложилась более чем трагично. В 1935 году Володю с Анной

4

перевели из трудпосёлка на Беломорско-Балтийский канал, в Шавань. До войны они трудились на шлюзе №11, быстро выдвинувшись в ударники-стахановцы. С началом войны в 1941 году их эвакуировали в Республику Коми, откуда Володю мобилизовали на фронт. Он отлично воевал, видимо, прямо у стен Ленинграда, быстро стал младшим сержантом, а потом...

Потом Анна получила извещение из сортировочного эвакогоспиталя №2222 под номером 1/68. В нём говорилось, что её муж «...в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, был ранен и умер от ран 25 марта 1943 года. Похоронен на Пискарёвском кладбище в г. Ленинграде».

С Анной остались две дочери – 6-летняя Валентина и годовалая Людмила. После войны, летом 1945 года, Анна с детьми приехала из Коми в Беломорск. Почему-то все они старались поселиться возле канала: сёстры отца Прасковья с Катериной, захватив маму Степаниду Николаевну, приехали в Медвежьегорск, Анна с детьми в Беломорск... Как я жалею теперь, что не хватало ума расспросить о родных гнездах. Почему же в Россию-то не подались, где так всё знакомо и обжито жизнями многих поколений?

В Беломорске старшая дочь Анны Дмитриевны Валентина окончила школу, переехала в Краснодар, получила высшее экономическое образование и на 34 году... умерла на руках матери от рака желудка. Младшую Людмилу, киномеханика поселкового клуба в Вирандозере Беломорского района Карелии, убил пьяный вербованный лесоруб, гулявший с компанией в соседней комнате барака. Трагедия случилась 3 марта 1963 года. В этот день умной, красивой и энергичной девушке исполнился 21 год...

Анне Дмитриевне Гнетневой (Зыковой) выпало, может быть, самое большое горе, которое может выпадать женщине, – оплакать не только мужа, но и всех своих детей. Второй раз эта глубоко православная и строгая до известной суровости женщина замуж не вышла. Мы похоронили её у деревни Выгостров в одной оградке с дочерьми 14 февраля 1995 года.

Иная судьба ждала моего отца...

Он также женился и на ББК поехал с молодой женой. Анна Васильевна была на семь лет моложе (1921 г.р.). Какую девичью фамилию она носила, была ли сослана с родителями и откуда, я не знаю. Знаю только, что в 60-е годы прошлого века она жила в Ульяновске и писалась Понаморёвой.

Жить молодые стали возле деревни Надвоицы, на шлюзе №10. А первый рабочий день отца на канале выпал на 20 марта 1935 года.

В нашем повествовании намечается очередной сюжетный поворот. И, чтобы не возникало недоуменных вопросов, прежде следует дать некоторые пояснения. Думаю, у внимательного читателя они уже возникли. Автор только что сообщил, что кулаки-спецпереселенцы почти не отличались от заключённых, жили под охраной, не имели не только документов, но и гражданских прав.

Всё это правда.

Такая же правда и то, что Беломорско-Балтийский канал имени товарища Сталина не простое, но абсолютно закрытое (режимное) предприятие, которое охраняет полк НКВД с гарнизонами солдат на каждом гидроузле. Ведь по каналу проводят суда с важными народнохозяйственными грузами и военные корабли. Что-то тут не так, не правда ли? Как можно врагов государства подпускать к особо охраняемым объектам?

Всё верно. Не в первый раз жизнь заставляла большевиков поступить вопреки ими же предложенной логике. И не в последний.

Василий Евдокимович Москвин убеждён, что чекист Лацис, предложивший кулаков из трудпосёлков переводить на работу на канал, занимал должность начальника управления. Но это не так. Не было еще никакого управления. Эксплуатация гидросооружений ББК находилась в ведении Отдела пути ББКомбината НКВД. Как бы там ни было, предложение оказалось настолько невероятным, что Лациса немедленно из лагеря убрали.

– Но делать что-то надо, – вспоминал Москвин. – Работать на ББК некому. Заключённые уже в Дмитрове строят новый канал. И пришли к необходимости брать кулаков, мол, люди акклиматизировались, с семьями и т. д. Дали разнарядку в посёлки – отобрать семьи, в которых больше трудоспособных, больше рабочих рук. Вот и вашу семью взяли – там все трудоспособные, большую семью Дятловых, Серегиных тоже. И наша семья могла попасть на канал, но из-за меня не взяли, на меня комендатура настолько была злая, что оставила в посёлке...

Так мой отец Василий Гнетнев с молодой женой Анной да его товарищ по Верхней Идели Роман Дятлов с Анастасией оказались на шлюзе №10.

...Я много доброго слышал о Романа Николаевиче, но ни разу его не видел. Летом 1982 года поехал на 10-й шлюз специально для того, чтобы познакомиться и расспросить об эшелоне 33-го года и жизни в трудпосёлке. Мне не повезло. Оказалось, Дятлов ушел на дальний сенокос, куда-то за Дуброву дамбу. Меня отправили к его

супруге Анастасии Николаевне. Вот как это было (я описал эту сцену в одной из своих книг):

«В шлюзовом поселке было тихо и безлюдно. К своим 35 годам я никогда здесь не был и, разумеется, никого не знал. Свернув к ближайшему дому, постучал в дверь и на ответный возглас вошел. В глубине просторной комнаты, наполненной тихим летним зноем, две аккуратные старушки степенно пили чай за маленьким столом. Мое приветствие они вроде бы не услышали.

– Васильев сын, что ли? – спросила у товарки та, что сидела у окна.

– Да, – утвердительно ответила другая, едва взглянув на меня. – Это ж Гнетнев.

Я был потрясен! Как они узнали мое имя?! Откуда вообще знают о моем существовании? Я же здесь в первый раз...

Старушки встреपнулись, захлопотали, усадили меня за стол, налили чаю и наперебой стали рассказывать, как они бегали с моим отцом на танцы в 37 или 38 году и какие это были «знаменитые» на канале парни, Василий Гнетнев и до сих пор неведомый мне Коля Фуныгин...»

Старушки и рассказали про тогдашнюю жену моего отца Анну Васильевну, о существовании которой я прежде не догадывался. Причём говорили аккуратно, тщательно подбирая слова. Из рассказов выходило, что женой Анна оказалась неважной, прослыла чрезвычайно ленивой грязнулей, любительницей «на кровати поваляться». Старушки говорили о ней с усмешкой, жалея отца...

Так это было или нет, неведомо. Между тем в Национальном архиве Карелии мне попал в руки документ 1940 года, в котором отец, его брат Володя и Володина жена Анна отмечены как ударники труда – стахановцы. А вот жены старшего надзорщика* 10-го шлюза Василия Гнетнева Анны в том списке нет.

К списку приложен документ «Лучшие люди нашего бассейна» с краткими характеристиками на каждого. Про отца сказано, что он «один из лучших работников гидросооружений, хорошо освоил знание механизмов, чем обеспечивает бесперебойную работу шлюза. Свои знания и опыт передаёт молодым работникам шлюза».

Любопытно, что в 1940 году список лучших работников ББК состоял из двух разделов: в первом значилось 18 имён, а второй содержал 11 имён и был оснащён подзаголовком – «трудпереселенцы». Их труд также был отмечен, но как бы отдельно, вторым «сортом». Да что вспоминать предвоенное время, когда до 90-х годов прошлого века руководители канала вынуждены были подавать куда надо списки так называемых неблагонадёжных. В них включали

бывших заключённых, оставшихся со времён строительства, бывших кулаков, вербованных из оккупированных областей и других прочих. Мне говорили, что их количество в разное время составляло примерно половину всех работающих на ББК. Е. И. Волков рассказывал, что во время работы начальником Сосновецкого района гидросооружений регулярно подписывал отчёт, в котором до 400 человек попадали в одну графу и ещё столько же в другую.

Советская власть боялась бывших российских крестьян, с их изломанными судьбами, с вырубленными под корень родами, лишенных родных домов и могил; боялась настолько, что не спускала с них глаз до своего падения.

«Неблагонадёжные» – вот причина, по которой мой отец и его товарищи с началом Великой Отечественной войны оказались не на фронте, а в эвакуации в Коми АССР.

Эвакуация для них стала обычным возвращением в трудпосёлок. И в Верхней Иделе, и на ББК, и в Коми у них был один хозяин – НКВД СССР. И хозяин жестокий. Фуражки, белые полушубки и кожаные туфли, портупеи, рык и мат по утрам, холоднущие бараки, в которых утром волосы примерзают к нам, железная бочка-печь посерединке, не успевающая просыхать сырая одежда, и работа, работа, работа... И ещё усилившиеся с началом войны подозрительность и репрессии. Мама рассказывала:

– Вечером сели в бараке за большой стол ужинать. Один мужчина помешал в котле поварёшкой и грустно пошутил: «Крупинка за крупинкой бегаёт с дубинкой». Рано утром собираемся на работу в лес, а мужчины нет...

У меня хранятся две пожелтевшие справки, подписанные одним и тем же знакомым мне человеком – Иваном Николаевичем Захаровым. В ту пору он руководил Сосновецким техническим участком канала, в его ведении находились шлюзы с 10-го по 19-й. В первой справке значится, что Гнетнев Василий Иванович находился в эвакуации с 26 ноября 1941 года. Во второй – что он же «...действительно работал на шлюзе № 10 в должности старшего надзорщика и имел средний заработок за... декабрь м-ц 1941 года 744.29 руб.».

Одна справка противоречит другой. Такое у

* «Надзорщик, старший надзорщик» – так назывались на шлюзе должности бригадира рабочей вахты-смены. При круглосуточной работе таких смен было четыре. Позже должность стала именоваться «начальник вахты». ББК всегда входил в структуру морского и речного транспорта, где, как известно, существует своя форма и собственная терминология. В настоящее время должность надзорщика сохранилась только на Хижозерском водохранилище.

нас бывает. Когда, как и по каким путям эвакуировали кулаков из Надвоиц в Коми, мне неизвестно. Однако из других документов известно, что уже 16 декабря 1941 года отец трудился десятником (бригадиром) на лесосплаве Палевецкого леспромхоза в Коми. С ним вместе жили супруга Анна Васильевна, двухгодовалый сын Константин (1939 г.р.) и дочь Серафима (1941 г.р.).

...Где-то очень далеко немецкие танковые орды неудержимо катят к Москве и Ленинграду, а здесь, в далёкой лесной глуши, кулаки гонят и гонят вниз по рекам – «на оборону» – тысячи кубометров северной древесины...

5

За 11 дней до начала войны отцу исполнилось 27 лет. Рослый, физически крепкий, хваткий и решительный в слове и деле – не случайно сразу и везде – бригадир, он, по существу, готовый солдат, защитник Отечества. Но таких воевать не берут, а если и берут, то в пропорции: один в кадровую часть, десять в спецстройбатальон. Призывников из трудпереселенцев возраста отца до середины октября 1941 года из Коми призвано всего 18 человек. А сами они не очень-то и рвутся. К началу 1942 года по многочисленным трудпосёлкам громадной Коми АССР заявлений с просьбой отправить на фронт от кулаков подано всего... 35.

Можно понять их настроение. Кого защищать? Кремль, официально объявивший им всем, включая стариков и детей, войну на уничтожение? Сытых толстозадых охранников из НКВД? Активистов лавровых из комбедов, захвативших дома в родных сёлах и убивавших их детей?

Уже знакомый читателю однофамилец Андрей Аверьянович Гнетнев рассказал историю и вовсе чудовищную на фоне мифов, навешанных пропагандой. Это свидетельство того, как государственная политика в отношении деревни вообще, и раскулачивание в частности, отразились на патриотических настроениях жителей сел и деревень, вовсе не бывших кулаками:

– Летом 1941 года всех парней села Грызлово, которым исполнилось по 18 лет, и меня в том числе, собрали в колонну и погнали на войну. Сопровождали нас верховые офицеры из военкомата. Шли двое суток. Прогнали Елец, подошли к Дону и на берегу, возле села Водопьяново, сели отдохнуть. Тут ребята стали судить и рядить. Мысль явилась такая: нахрена нам воевать за Сталина? Что мы от него доброго видели? Поговорили да и повернули домой. Военкоматовские сопровождаю-

щие помахали-помахали наганями, но что они сделают? Не вернулся один я. Потопал дальше и попал в артиллерийское училище, а из него на фронт...

Война набирает обороты. Большая часть кадровой армии полегла в первые недели и месяцы немецкого наступления. Сотни тысяч солдат фактически сданы в позорный плен. Но есть ещё громадные людские ресурсы в городах. И идут, идут, идут к фронту эшелоны с необученными, как попало вооружёнными, наспех одетыми и стабуненными в подразделения российскими мужиками...

Потери гигантские, людские ресурсы в основном подобраны... Нужда всерьёз постучалась в высшие кабинеты власти СССР только в марте 1942 года. Вспомнили о кулаках, находящихся в ссылке. И тут вдруг выяснилось, что их много, очень много! Только в Северном крае почти 300 тысяч ссыльных мужчин! Подсчитали, что хватит на шесть стрелковых корпусов по штатам 1941 года...

С самого верха распорядились, чтобы НКВД доложил правительству, каким образом врагов советского строя превратить в его же защитников. Решением непростой задачи занялось Главное управление исправительно-трудовых лагерей, трудовых поселений и мест заключения (ГУЛАГ). И тут неожиданно выявился чрезвычайно интересный факт: юридически кулаки почти свободны! Правда, сами об этом не догадываются...

Выяснилось, что восстановление в гражданских правах высланных началось ещё в 1932 году. Ударники производства, в первую очередь из числа молодёжи, уже девять лет назад могли получить равные гражданские права. Могли-то могли, только паспортов им не выдавали, и поэтому реально выехать из трудпосёлков они не могли.

По «сталинской» Конституции 1936 года кулаки вообще якобы освобождались и им возвращались все гражданские права. Да, но кроме сущего пустяка – права свободного выбора места жительства. Иными словами, совершенно свободные, они продолжали свободно валить лес, правда, под присмотром комендатур...

22 октября 1938 года Совет Народных Комиссаров (СНК) принял секретное постановление «О порядке выдачи паспортов детям спецпереселенцев и ссыльных, достигшим 16-летнего возраста». Подростки также объявлялись свободными. Однако на самом деле их не освобождали, а просто переводили на персональный учёт...

Эти и другие попытки освобождения из ссылки бывших кулаков и членов их семей оказались малоэффективными и не решали, а только имитировали решение проблемы. Об этих постановлениях и дру-

гих юридических актов с грифами «секретно», «для служебного пользования» сами кулаки ничего не ведали. Отгадка тайны всей этой правовой государственной возни очень проста. Властям вроде и надо было вернуть кулаков в правовое состояние обычных граждан, только кто в лесной северной глуши работать станет? Сотни тысяч рабочих рук, фактически бесплатно горбатившихся на государство, да ещё содержащих машину НКВД, – халява-то какая...

В качестве иллюстрации трогательной заботы чекистов о детях приведу документ, относящийся не к зонам Коми Республики, а к Карелии и Беломорско-Балтийскому комбинату НКВД.

ПРИКАЗ ПО БЕЛБАЛТКОМБИНАТУ НКВД СССР
О ПОМЕЩЕНИИ ДЕТЕЙ РОДИТЕЛЕЙ,
ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ В БЛАГе,
В ДЕТСКИЕ ДОМА И КОЛОНИИ

4 января 1936 г.

В Беломорско-Балтийском лагере совместно с родителями, отбывающими срок изоляции, а также не имеющих таковых содержатся свыше 100 чел. детей разного возраста, которые, вращаясь в лагере среди контрреволюционного элемента, отрицательно влияют на учащихся в школах детей вольного населения, внося в ряды учащихся дезорганизацию и антисоветские настроения.

Приказываю:

В 48-часовой срок, под персональную ответственность начальников отделений и ОЛП*, всех детей от 8-летнего возраста и выше, проживающих в лагере при родителях, отбывающих срок наказания, а также не имеющих таковых, из лагеря изъять и передать в распоряжение начальника ТКМ** Надвоицы для дальнейшего содержания в колонии. Детей до 8-летнего возраста передать в детские дома АКССР***.

Начальнику КВО**** тов. Захарову проследить за точным и своевременным исполнением приказа и доложить мне.

*Пом. начальника ГУЛАГа НКВД
и начальник Белбалткомбината Алмазов
НА РК. Ф. 865, оп. 2, д. 11, л. 5*

Чекисты выполнили распоряжение правительства и разобрались наконец, кто государству настоящий враг и как следует посмотреть на кулаков в свете продолжающейся тяжёлой войны. 16 марта 1942 года начальник Отдела трудовых и специальных поселений ГУЛАГа направил своему начальнику докладную записку. В ней, в частности, говорилось:

«...Вопрос о призыве в Красную армию категорий

трудпереселенцев, которые к моменту выселения не были главами семей, приобретает сейчас двойное значение. Во-первых, речь идёт более чем о 100 тыс. человек призывного возраста. Во-вторых, будучи почти во всех правах уравниены, все трудпоселенцы оказались как бы забронированными от мобилизации... (выделено мной. – К. Г.). Насколько мне известно, постановления Правительства, запрещающего привлечение к отбыванию воинской обязанности трудпереселенцев, нет...»

Вот, оказывается, как...

Страна напрягает все силы на фронтах в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, а бывшие кулаки, почти такие же в правах, как нормальные граждане, отсиживаются по тылам, забронированные от мобилизации.

Хорошо устроились...

Теперь уже начальник ГУЛАГа пишет вверх по инстанции в НКВД:

«В трудпосёлках НКВД из общего количества 272473 трудпереселенцев мужчин 174596 человек составляют мужчины в возрасте от 16 до 50 лет. Проверкой установлено, что из общего количества мужчин призывного возраста только 37861 человек являются бывшими кулаками, которые в период ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации были главами семей. Остальные 136735 человек выселены в качестве членов кулацких семей, причём 31869 человек составляет молодёжь, достигшая 16 лет во время нахождения в трудпосёлках и которая на основании постановления СНК СССР №1143-280с от 22.10.1938 года подлежит освобождению из трудпосёлка с последующим взятием их на учёт военведа.

...Исходя из вышеизложенного, ГУЛАГ НКВД полагает, что в настоящее время целесообразно трудпоселенцев, которые к моменту выселения не были главами семей, призвать в Красную армию на общих основаниях...»

Оказывается, только главы семей были настоящими кулаками. Именно они подлежали политическим репрессиям! Почему же ссылали всех, включая стариков и детей? Ведь эти 272 тысячи человек – не все высланные, а только малая часть, сумевшая выжить за более чем десять лет жизни в нечеловеческих условиях. Кто и когда ответит за это?

Умилительно читать и другое – на чём строилось объяснение причин запрета на мобилизацию кулаков с началом войны. В ГУЛАГе всерьёз опасались

* ОЛП – отдельный лагерный пункт.

** ТКМ – трудовая колония малолетних (молодёжи).

*** АКССР – Автономная Карельская Советская Социалистическая Республика.

**** КВО – культурно-воспитательный отдел.

негативной реакции «остального» населения, призванного на фронт. Иными словами, чекисты боялись, что рядовые солдаты будут возмущены тем, что им под вражеским огнём придётся делить окоп с «врагами» советского строя.

Подумать только...

Только в воспалённом комиссарском мозгу могла возникнуть такая идея. Солдат несокрушимой Красной армии под руководством коммунистической партии выполняет благородную миссию по защите социалистического отечества. А рядом с ним, плечом к плечу, находится враг этого самого отечества. Это оскорбительно! Это снижает высоту ратного подвига! Так же в 1941-м и потом думали о положении солдата-окопника полководцы из тюремно-лагерного ведомства.

После того как лагерное ведомство разобралось само, а затем убедило правительство, что кулаки, собственно говоря, давно свободны и запросто могут быть посланы умирать, как обычные граждане страны, по многочисленным баракам трудпосёлков Северного края пошли сотрудники военкоматов и почтальоны с повестками. Согласно постановлению ГКО (Государственный комитет обороны) СССР №1575сс от 11 апреля 1942 года призыву подлежало сразу 35 тысяч человек. В Коми АССР в апреле-мае 1942 года поставили под ружьё 935 человек, в августе-сентябре 1942 года ещё 1489 человек...

Однако отец в это число не попал. По окончании второго (сентябрьского) призыва бывших кулаков в действующую армию военкоматам даже пришлось давать объяснения. «Невыполнение наряда» составило 1000 человек. Причины состояли в крайне слабом здоровье призывников и отсрочках, связанных со сплавными работами. И они имели под собой реальное основание. Откуда здоровью взяться при каторжной работе, скверном питании, при котором «крупинка за крупинкой...» и полном отсутствии медицинского и иного социально-бытового обеспечения? Например, в октябре 1942 года только по одному Сыктывдинскому району Коми АССР комиссия отсеяла из-за крайне неудовлетворительного здоровья... половину призывников.

И сплав не мог быть остановлен ничем, пока несёт свои быстрые воды река и лес не заперт боновыми заграждениями в затонах перерабатывающих предприятий. Осенью 1942 года до окончания сплавных работ на реках «Комилес» забронировал от призыва на фронт 381 сплавщика. Среди них был мой отец, бригадир лесосплава Палевецкого леспромхоза Василий Иванович Гнетнев.

На фронте он оказался только 1 октября 1942 года.

К сожалению, у меня нет данных, каким образом, в составе какого войскового соединения и в каком месте Волховского фронта оказался мой отец в первые для него военные дни. Готовясь к работе над этой главой, я перечитал много документов, мемуаров военачальников и воспоминаний рядовых участников боёв под Ленинградом. Мне хотелось, насколько это возможно, представить картину событий с осени 1942 по август 1943 года и хотя бы в очень малой степени прочувствовать то, что чувствовал и видел он. Оказалось, что в этом мемуары генералов и политработников подспорье неважное. Вот их привычный стиль:

«...Количество бойцов в подразделениях под ударами врага всё уменьшалось, а число коммунистов росло. В той тяжелейшей обстановке сотни воинов дивизии считали для себя великой честью идти в бой коммунистами».

И ещё.

«На исходе дня 26 сентября поступила радиogramма прямо от командующего фронтом. Приказывалось стойкой обороной... не дать врагу распространиться на север. В заключении говорилось, что Родина нас не забудет».

А вот что вспоминал простой пулемётчик (пулемётчик 33-й бригады С.С. Сейтенов): «На двоих-троих солдат одна винтовка, на пулемётную роту – один пулемёт «максим», да и у того ленты старые, рваные, поэтому он без запинки не стрелял...»

Вот что помнил рядовой солдат (боец 286-й стрелковой дивизии К.Д. Григорьев): «Из нашей роты в том бою семеро живых осталось. Если книгу писать об этом, то каждую страницу надо слезами омыть...»

И что-то не встречается в этих бесхитростных воспоминаниях ложной патетики и пустых заклинаний про Родину, которая не забудет.

В ряду солдатских воспоминаний отдельно стоит небольшая книга питерского искусствоведа, всю жизнь работавшего в Эрмитаже, Николая Николаевича Никулина «Воспоминания о войне». Застенчивым, слабым, интеллигентным городским юношей он попал на фронт, чтобы защитить любимый город. Ежедневно ожидая гибели, он, тем не менее, выстоял, закалился и опытным солдатом прошёл всю войну, чтобы многократно израненным вернуться в любимый Эрмитаж.

Никулин написал воспоминания вовсе не ради самоутверждения, мол, и мы пахали... Нет. Книга стала для него возможностью избавиться от навязчивых воспоминаний, днём и ночью преследующих его всю жизнь. Написанная не для читателя, а для себя, она

стала «внутренней эмиграцией, протестом против господствовавшего тогда и сформировавшегося теперь ура-патриотического изображения войны».

Книга Н. Никулина пролежала в столе 30 лет...

Кроме невероятно обнажённой правды, правды, которая не укладывается в сложившиеся стереотипы и зачастую возмущает душу, книга солдата Никулина интересна для меня еще и тем, что в ней описываются те же места и события, известные мне из рассказов отца. Иногда складывается впечатление, что и воевали они плечом к плечу. Хотя это не так. Просто оба были обычными солдатами. Я познакомлю читателей с тем, что видел боец Николай Никулин на своей войне.

Мне думается, что отец сразу попал в 256-ю стрелковую дивизию 8-й армии Волховского фронта, в которой воевал и потом, до середины августа 1943 года. Эта дивизия участвовала в третьей попытке прорыва блокадного кольца и 22 июля 1942 года «понесла большие потери и отведена на пополнение и укомплектование». Так писали в официальных текстах. На самом деле была наголову разгромлена (остались только штабы и боевые знамёна) и заново сформирована в Череповце, чтобы 21 сентября 1942 года снова оказаться на Волховском фронте.

На самом деле отцу отчаянно повезло...

Начиная с 30 августа 1941 года, когда немцы замкнули кольцо вокруг Ленинграда, и до 1 октября 1942 года советское командование осуществило несколько попыток освободить город. В 1941 году предприняты две Синявинские операции, летом 1942 ещё Любанская и третья Синявинская (их называют иногда Мгинские операции).

Пережить их рядовому солдату не было никакой возможности...

Даже по меркам Ленинградской области, бои велись за крошечную территорию. Войска Ленинградского фронта изнутри и Волховского фронта снаружи должны были прорвать «синявинско-шлиссельбургский выступ» и соединиться. Расстояние прорыва 12-16 километров. Для жителей любого областного города – это городская черта. Но уже к осени 1942 года подступы к этому выступу оказались покрыты трупами и залиты солдатской кровью...

Только в 3-й Синявинской операции со стороны Волховского фронта участвовало 156 927 солдат и офицеров. С 19 августа по 10 октября 1942 года потери фронта составили 114 000 бойцов. А всего за шесть месяцев Любанской операции мы потеряли 400 000 солдат и офицеров.

Любанская операция, как мы отмечали, была

только одной из попыток прорыва блокады...

Поразительна по своей циничности ложь тогдашней официальной пропаганды. Немецкий полковник, в то время командир 284-го полка 18-й дивизии, противостоящей нашим фронтам под Ленинградом, Хартвиг Польшман в своих мемуарах вспоминал: «Когда немецкое радио сообщило о победе, русская глушилка на немецком языке известила: «Всё это враньё! Никакого сражения под Гайтоловом вообще не было!»

Привычная большевистская позиция: ничего не было. Ни проигранных сражений, ни тупого самодурства верховной власти, ни чудовищного равнодушия и дури генералов, а главное – не было сотен тысяч павших солдат, брошенных и забытых.

Солдат К.Д. Григорьев вспоминал: «Моему товарищу миной голову оторвало. Оборачиваюсь, а он стоит, но без головы. Шинель зацепилась за срубленный ствол берёзки и держит... Потом написали – мол, пропал без вести. Такими «пропавшими без вести» все болота от Войбокало до Синявино выложены...»

Где-то там же лежит и мой дед, которого я никогда не видел, – «пропавший без вести» красноармеец, раскулаченный донской казак Дмитрий Иванович Марютин, отец моей матери...

Бывший фронтовик, воевавший на Волховском, Ленинградском и 2-м Белорусском фронтах, Г.А.Шигин попытался систематизировать сведения о потерях и разделил битву за Ленинград на три периода^{*}:

– с 10 июля по 30 сентября 1941 года потери наших войск составили 344 900 человек;

– с 1 октября 1941, весь 1942-й и по 11 января 1944 года потери достигли 1 млн 048 000 человек или 1 млн 061 000 человек;

– с 12 января 1944 по 31 июля 1944 года потери превысили полмиллиона – 527 500 человек.

Википедия лукаво сообщает, что за время битвы за Ленинград СССР потерял бойцов больше, «чем Англия и США за всё время войны...». Больше – это сколько? Кровавую цену заплатили Сталин и отцы-командиры за «синявинско-шлиссельбургский выступ».

Не поспешили...

Я не пишу историю военных действий Волховского фронта...

В данном случае мне безразлично, что Верховный Главнокомандующий окончил лишь семинарию, а получивший под Ленинградом звание

^{*} Г. А. Шигин. Битва за Ленинград: крупные операции, «белые пятна», потери. – СПб, 2004.

маршала Советского Союза Жуков только три класса церковно-приходской школы да два класса городского училища по вечерам.

Я пишу историю отца. А потому предельно субъективен и уже слышал упрёк, что легко сейчас судить и что войну «всё равно» выиграли. Как бы там ни было, победителей, мол, не судят...

Да, можно прорыть канал экскаваторами и тракторами, а можно лопатой и киркой. Всё равно канал будет построен, таков приказ. Правда, во втором случае мы не досчитаемся многих тысяч граждан Отечества и ещё три раза по столько станут инвалидами.

Так же и с войной...

Проблема в первом и втором случае состоит в иной плоскости. Она в отношении власти к гражданину собственной страны. Если гражданин – по определению расходный материал, то тогда павших можно считать на сотни тысяч, можно бросать непогребёнными целые полки и дивизии, можно записывать в «пропавшие без вести» и не вооружать, бросая в атаку, и тем более не кормить и не одевать.

Всё сходит с рук.

Ответственности никакой.

Можно всё!

Если бы всё было иначе, другой был бы итог войны, другой была бы сегодня страна. Солдат 311-й стрелковой дивизии ленинградец Николай Никулин пишет об этом так:

«На войне особенно отчетливо проявилась подлость большевистского строя. Как в мирное время проводились аресты и казни самых работающих, честных, интеллигентных, активных и разумных людей, так и на фронте происходило то же самое, но в еще более открытой, омерзительной форме...»

И добавляет:

«Если бы немцы заполнили наши штабы шпионами, а войска диверсантами, если бы было массовое предательство и враги разработали бы детальный план развала нашей армии, они не достигли бы того эффекта, который был результатом идиотизма, тупости, безответственности начальства и беспомощной покорности солдат...»

В конце 1941 года прибыл в Ленинград Г.К.Жуков. На фронтах был известен девиз «маршала победы»:

«Солдат не жалеть! Бабы ещё нарожают».

Отношение некоторых советских полководцев к собственным солдатам поражало не только союзников, но даже противника. Подобное средневековое варварство у них привело бы к немедленному краху любой военной карьеры. У нас давали звания и звёзды.

Николай Никулин вспоминает:

«Однажды, в дни тяжелых зимних боев 1942 года под Погостьем, нашего майора отправили в 311-ю, чтобы согласовать планы артиллерийской поддержки пехоты, выслушать соображения и пожелания комдива по поводу организации боя. Я с винтовкой за плечами сопровождал майора.

На лесной просеке мы нашли охраняемую землянку, укрытую многоярусным накатом. Снаряд такую не прошибёт! Когда майор сунулся внутрь, из землянки вырвались клубы пара (был сильный мороз) и послышалась басовитая начальственная матерщина...

Я заглянул в щель сквозь приоткрытую обмерзшую плащ-палатку, заменявшую дверь, и увидел при свете коптилки пьяного генерала, распаренного, в расстегнутой гимнастерке. На столе стояла бутылка с водкой, лежала всякая снедь: сало, колбасы, консервы, хлеб. Рядом высились кучки пряников, баранок, банки с медом – подарки из Татарии «доблестным и героическим советским воинам, сражающимся на фронте», полученные накануне. У стола сидела полуголая и тоже пьяная баба.

– Убирайся к... матери и закрой дверь!!! – орал генерал нашему майору.

А 311-я тем временем гибла и гибла у железнодорожного полотна станции Погостье. Кто был этот генерал, я не знаю. За провал боев генералов тогда часто снимали, но вскоре назначали в другую дивизию, иногда с повышением. А дивизии гибли и гибли...»

И ещё:

– Атаковать! – звонит Хозяин из Кремля.

– Атаковать! – телефонирует генерал из тепло-го кабинета.

– Атаковать! – приказывает полковник из прочной землянки.

И встает сотня иванов, и бредет по глубокому снегу под перекрестные трассы немецких пулеметов. А немцы в теплых дзотах, сытые и пьяные, наглые, всё предусмотрели, всё рассчитали, всё пристреляли и бьют, бьют, как в тире.

Однако и вражеским солдатам было не так легко. Недавно один немецкий ветеран рассказал мне о том, что среди пулеметчиков их полка были случаи помешательства: не так просто убивать людей ряд за рядом, – а они все идут и идут, и нет им конца.

...А людей все время не хватало! Оперативная карта Погостья усыпана номерами частей, а солдат в них нет. Но полковник выполняет приказ и гонит людей в атаку. Если у него болит душа и есть совесть, он сам участвует в бою и гибнет. Происходит своеобразный естественный отбор. Слабонервные и чувствительные не выживают.

Остаются жестокие, сильные личности, способные воевать в сложившихся условиях. Им известен один только способ войны – давить массой тел. Кто-нибудь да убьет немца. И медленно, но верно кадровые немецкие дивизии тают...

Горько читать это...

Да, немецкие дивизии тают, но как медленно! Чтобы понять это нереальное несоответствие, необходимо сравнение. Вот оно, из мемуаров Верховный Главнокомандующий Сталин звонит командующему 54-й армией маршалу Кулику и требует бросить войска в бой и немедленно прорвать кольцо блокады у станции Мга. Кулик докладывает, что это невозможно: «За четыре дня боёв у нас убыло 10 тысяч человек убитыми и ранеными...» Мол, нужно пополнение. Кулика вскоре снимают...

Историк Ю.А. Сяков подсчитал, что за те же четыре дня боёв в полосе обороны 54-й армии потери немцев составили:

убито офицеров – 2, рядовых солдат – 130;
ранено офицеров – 13, рядовых солдат – 554.

Красноармеец Василий Гнетнев попал на фронт, когда блокада ещё прорвана не была, но днями завершилась третья Синявинская операция. На фронте образовалось тревожное затишье. Вероятно, это его и спасло. Немало повидавший мужчина, он успел в эти дни осмотреться и понять, как себя вести на передовой. Многие фронтовики утверждали, что если уцелел в первые дни, если быстро соображаешь, у тебя появляется шанс выжить...

Отец воевал где-то в Синявинских болотах. Причём для тогдашней обстановки нереально долго оставался даже раненым. Пять с половиной месяцев он прожил в этом пекле до первой крови...

Из случайно услышанных мальчишкой разговоров о войне, обычно за столом, с товарищами, промеж стопками (любимый тост: «Будем живы, Богу милы, а людям сам чёрт не угодит»), помню бурное неудовольствие оружием. Автомат ППШ он любил, хорошо помнил и даже называл номер последнего, но ругал за слабую сталь стволика и пружину круглого магазина-диска:

– Если магазин набил с вечера, то один-два выстрела даст, и всё. Ударишь о бруствер, еще один-два выстрела даст. Так и стучишь. А чтоб не связываться, вечером пустишь весь диск в угол дома, а утром набьёшь снова...

Ругал гранату РГД, как мне говорили специалисты, не напрасно. Чтобы поставить её на боевой взвод, нужно было повернуть и оттянуть в бо-

евое положение рукоятку. Только тогда брошенная в цель граната взрывалась. Но чтобы проделать всё это, нужно, чтобы обе руки были свободными. Но ведь солдат воюет, бежит в атаку или обороняется. Куда ему девать оружие? А если зима, мороз, всё облеплено снегом, и граната – тоже? Гранату РГД солдаты очень не любили и часто в боевой обстановке, в скоротечных и внезапных атаках она их подводила.

Отец рассказывал:

– Ночью приказали выдвинуться по какому-то болоту, найти наши танки и дать знать танкистам, что подошли. Знак – взорванная на броне граната. Ходили, ходили, мокрые все, обледенели и замёрзли. Нашли танки. Бросаю гранату – не взрывается. Ищу её в болоте и снова бросаю, и снова не взрывается. Да мать твою так! Бью прикладом по крышке люка...

– Особенно лютовали снайпера. Головы не поднять! Чуть зевнул, и каска не выручит. Да и где она, эта каска? Но и шевелиться ведь надо. Как узнать, пристрелян окоп или нет? Делали что. Приклеишь окурочку на приклад и начинаешь поднимать из окопа. Хлоп, и окурочка нет...

И, конечно, редко и очень коротко отец говорил о том, с чем никакая человеческая натура смириться не может. О смерти близких товарищей.

– Сидим кружком в воронке. Тихо вокруг, только поели, курим. Вдруг мина – бац! И тот, с кем только что ел из одного котелка и разговаривал, уже неживой. Самокрутка ещё дымится, а его уже нет. Думаешь, ну, в следующий раз очередь моя...

Так же неожиданно ранило в первый раз и его самого. Хотя словосочетание «неожиданно ранило» глупое по своей сути. Отец вспоминал, было холодно – 18 марта 1943 года:

– Сидим в окопе, собрались потеснее, травим байки. А наружу никто не смотрит. Вдруг кто-то выглянул и кричит:

– Мать вашу... Немцы!

Вскочили, смотрим, а немецкая цепь уже совсем рядом, рукой подать. Впереди во весь рост спокойно идёт офицер, судя по всему, пьяный.

Проспали...

На бруствере стволом по направлению в сторону офицера лежит наше противотанковое ружьё ПТР. Мой «первый номер» прыгает к ружью и бронебойным бьёт офицеру прямо в грудь... Потом у него маленький такой пистолетик нашли, дамский. Мужики мне его в госпиталь с собой отдали, мол, бабам в подарок...

В том скоротечном бою немецкая граната перелетела окоп бронебойщиков и взорвалась позади. Один или два осколка ударили отца в правую голень.

«Эвакогоспиталь №1148. 25 марта 1943 г. Справка. Выдана кр-цу Гнетневу Василию Ивановичу, бронбойщику (?..) соб. л. бр. в том, что он находился на излечении в эвакогоспитале №1148 с 18 марта 1943 г. по 25 марта 1943 г. по поводу слепое осколочное ранение с/з правой голени м/... Годен к строевой службе. Выписан для направления в батальон выздоравливающих на 5 дней...»

...Однажды, пребывая в хорошем расположении духа, отец вдруг стал рассказывать, как пронесли в госпиталь оружие. Я был мал и плохо понимал, зачем он мне это говорит. Оказывается, при поступлении в госпиталь у раненых отбирали всё – документы, одежду и, разумеется, оружие, если кто-то ухитрялся его с собой приволочь с передовой.

– Берёшь толстую книгу, страниц сотни три, откроешь, кладёшь пистолет, бритвой вырежешь по контуру, и готов кобур, – радостно завершил он своё инструктирование. Почему-то кобуру пистолета отец всегда называл «кобур», а револьвер «ревнаганом».

Мне было жалко испорченной книги.

– А зачем тебе в госпитале пистолет?

– Подарок, – ответил он туманно.

Наслушавшись и начитавшись рассказов фронтовиков, я теперь знаю, что с помощью таких сувениров легче было растопить окаменевшее от круглосуточного горя сердце какой-нибудь медсестрички. А доброе расположение женщины на фронте стоит любой испорченной книги.

26 марта 1943 года, то есть на следующий день после выхода отца из госпиталя, командиру 256-й стрелковой дивизии Фетисову Фёдору Кузьмичу присвоили воинское звание генерал-майора. А 1 апреля 1943 года красноармеец Василий Гнетнев снова оказался на передовой, в 937-м стрелковом полку стрелковой дивизии вновь испечённого генерала.

Разумеется, два этих события никак не связаны между собой.

Отец провоюет еще пять с половиной месяцев. Я теперь знаю, что это невероятно большой срок для рядового солдата на том участке фронта, на котором ему выпала судьба оказаться. Что представляла собой жизнь солдата на войне? Послушаем солдата Н. Никулина:

«И все же жизнь в землянках... была роскошью и привилегией, так как большинство солдат, прежде всего пехотинцы, ночевали прямо на снегу. Костер не всегда можно было зажечь из-за авиации, и множество людей обмораживали носы, пальцы на руках и ногах, а иногда замерзали совсем.

Солдаты имели страшный вид: почерневшие, с

красными воспаленными глазами, в прожженных шинелях и валенках. Особенно трудно было убе-речь от мороза раненых. Их обычно волокли по снегу на специальных легких деревянных лодочках, а для сохранения тепла обкладывали химическими грелками...»

И ещё:

«Легко писать это, когда прошли годы, когда зата-нулись воронки в Погостье, когда почти все забыли эту маленькую станцию. И уже притупились тоска и отчаяние, которые пришлось тогда пережить. Представить это отчаяние невозможно, и поймет его лишь тот, кто сам на себе испытал необходи-мость просто встать и идти умирать.

Не кто-нибудь другой, а именно ты, и не когда-ни-будь, а сейчас, сию минуту, ты должен идти в огонь, где в лучшем случае тебя легко ранит, а в худшем – либо оторвет челюсть, либо разворотит живот, либо выбьет глаза, либо снесет череп.

Именно тебе, хотя тебе так хочется жить! Тебе, у которого было столько надежд. Тебе, который еще и не жил, еще ничего не видел. Тебе, у которого все впереди, когда тебе всего семнадцать!

Ты должен быть готов умереть не только сейчас, но и постоянно.

Сегодня тебе повезло, смерть прошла мимо. Но завтра опять надо атаковать. Опять надо уми-рять, и не геройски, а без помпы, без оркестра и речей, в грязи, в смраде. И смерти твоей никто не заметит: ляжешь в большой штабель трупов у же-лезной дороги и сгниешь, забытый всеми, в лип-кой жиже погостыньских болот.

Бедные, бедные русские мужики! Они оказа-лись между жерновами исторической мельницы, между двумя геноцидами. С одной стороны, их уничтожал Сталин, загоня пулями в социализм, а теперь, в 1941–1945, Гитлер убивал мириады ни в чем не повинных людей.

Так ковалась Победа, так уничтожалась русская нация, прежде всего душа её. Смогут ли жить потом-ки тех, кто остался? И вообще, что будет с Россией?»

«Хорошего солдата хватает на две атаки и одну рукопашную», – это из опыта другого пехотинца Волховского фронта С.В. Смирнова, может быть, соседа отца по окопу...

Как выглядели атаки? Не игрушечные, кинош-ные, к которым мы так привыкли за 70 лет тоталь-ного вранья о Великой Отечественной войне, а на самом деле? Мифы и ложь так закрепились в на-шем сознании, что всякая попытка хотя бы чуть-чуть, пусть скороговоркой, сказать правду приво-дит к жесткому неприятию. Признаемся себе: нам, сегодняшним, правда о той страшной войне непривычна и некомфортна.

Снова обратимся к тому, кто ходил в атаки не на диване перед телевизором или за письменным столом, а на самой войне под Ленинградом, – солдату Н. Н. Никулину:

«Выйдя на нейтральную полосу, вовсе не кричали «За Родину! За Сталина!», как пишут в романах. Над передовой слышен был хриплый вой и густая матерная брань, пока пули и осколки не затыкали оружие глотки. До Сталина ли было, когда смерть рядом. Откуда же сейчас, в шестидесятые годы, опять возник миф, что победили только благодаря Сталину, под знаменем Сталина?»

У меня на этот счет нет сомнений.

Те, кто победил, либо полегли на поле боя, либо спились, подавленные послевоенными тяготами. Ведь не только война, но и восстановление страны прошло за их счет. Те же из них, кто еще жив, молчат, сломленные.

Остались у власти и сохранили силы другие – те, кто загонял людей в лагеря, те, кто гнал в бессмысленные кровавые атаки на войне. Они действовали именем Сталина, они и сейчас кричат об этом. Не было на передовой: «За Сталина!» Комиссары пытались вбить это в наши головы, но в атаках комиссаров не было. Все это накипь...»

К слову сказать, отец не выносил фильмов о войне, хотя и пытался их смотреть. В соседней деревне Выгостров был клуб, и, помню, он взял меня маленького с собой на какой-то военный фильм. Едва на экране началось самое интересное, отец стал ёрзать и браниться. Потом громко выругался:

– Да кто так стреляет? Долбо...! Что же ты делаешь?!!

И со словами: «Костюк, пойдём отсюда!» вытащил меня за руку из зала. Почему-то он всегда звал меня Костюком. Сам же он стрелял превосходно, чему не раз я был свидетелем.

22 июля 1943 года началась очередная Мгинская наступательная операция. Ровно месяц работала эта мясорубка, перемоловшая 79 937 наших солдат и офицеров. Такой ценой оплачена жиденькая и скорее условная победа. Взяли две высоты «Огурец» и «Лесная», а также небольшой населённый пункт Поречье, как писали в генеральских донесениях, – «мощный узел сопротивления». Так можно было написать про любой хутор. Немощных у немцев не было.

256-я стрелковая дивизия действовала в первом эшелоне. Какие потери понесла она, сумевшая захватить только первую линию немецких траншей, мне неизвестно, но 311-я Кировская, в которой воевал Н. Н. Никулин, «растаяла в три

дня», а в 165-й из 9000 бойцов «почти ничего не осталось».

Не думаю, что в 256-й положение было лучше...

Отца тяжело ранило 15 августа 1943 года. Произошло это у моста через реку Мга, на самом берегу. Вот как он об этом рассказывал:

– Мне дали в помощники легкораненого старшину и велели доставить в медсанбат тяжелораненого офицера. Спрашиваю, куда вести? «Туда!» – махнули рукой. Идём еле-еле, офицер стонет, старшина без конца выдыхается и просит остановиться. Ему тяжело. Жара, вонь, бьёт артиллерия, где-то позади и вообще вокруг идёт бой.

Дошли до реки Мга и неподалёку от моста сели на пригорке покурить. Офицер лежит, мы со старшиной присели. Отдохнули немного, поднимаемся. Я встал и только забросил правой рукой автомат за спину, как – ах!!! Снаряд рядом ударил...

Офицера убило сразу, старшину ранило ещё раз, теперь уже тяжело, а я стою, и мне хоть бы хны. Старшина с земли кричит: «Васька, у тебя руки нету!!!» Я плечами качнул, а из-за спины моя рука вываливается и висит как плеть. Твою мать!!! Смотрю, а пальцы скрючены и в них зажат ремень ППШ. Осколок срезал мне локоть и перебил шейку приклада автомата. А я ничего не чувствую, и даже кровь не течёт! Автомат под мост бросил. Наверное, до сих пор там лежит...

Потом долго куда-то шли, потом брели, потом, кажется, ползли – медсанбат искали. Всё время пить хотелось, очень хотелось. Свалимся в воронку, а там грязно-бурая вонючая жижа, рукой сверху смахнёшь и пьёшь, пьёшь. Всё боялся сознание потерять. Потерял бы – там и остался...

Я уже говорил, что воспоминания отца и Н.Н. Никулина очень похожи, они словно ходили по одним местам и в одно и то же время. Вот эти совпадения:

Н. Н. Никулин:

«...Где-то здесь, у мостика через Мгу, долго валялась оторванная кисть руки, белая, словно искусственная, а там подальше, метрах в пятидесяти, на обрубленном снарядом стволе дерева висел изуродованный мертвец, заброшенный туда взрывной волной...»

«...Нас трое: пожилой солдат посередине, по бокам я и молодой, недавно прибывший из тыла паренек. Он еще не привык и не может скрыть страха... Вдруг неожиданный рёв, какой-то шлепок. Лицо и грудь забрызгало чем-то теплым и мокрым. Инстинктивно падаю. Все тихо. Протираю глаза – руки и гимнастерка в крови. На земле лежит наш старичок. Череп его начисто срезан болванкой. Кругом разбрызганы мозг и кровь. Молодой стоит и отупело

смотрит вниз, машинально стряхивая серо-желтую массу с рукава. Потом начинает икать... Беру документы убитого и веду паренька под руку дальше. Наверное, у него припадок...»

«...Путь до санчасти был долог, а до госпиталя измерялся многими часами. Достигнув госпитальных палаток, нужно было ждать, так как врачи, несмотря на самоотверженную, круглосуточную работу в течение долгих недель, не успевали обработать всех. Длинная очередь окровавленных носилок со стонущими, мечущимися в лихорадке или застывшими в шоке людьми ждала их. Раненные в живот не выдерживали такого ожидания. Умиряли и многие другие. Правда, в последующие годы положение намного улучшилось...»

«...Хочется пить, и болит живот: ночью два раза пробирался за водой к недалекой воронке. С наслаждением пил густую, коричневую, как кофе, пахнущую толом и еще чем-то воду. Когда же утром решил напиться, увидел черную, скрюченную руку, торчащую из воронки...»

Отец до медсанбата добрался...

В «свидетельстве о ранении», выданном 20 ноября 1943 года в эвакогоспитале № 5801 города Аргаяш Челябинской области, аккуратно перечислен весь длинный путь, проделанный им, начиная с мостика через Мгу: медсанбат (МСБ) – полковой медицинский пункт (ПМП) – снова медсанбат (МСБ-404) – передвижной походный госпиталь (ППГ-1787) – эвакогоспиталь №1855 – эвакогоспиталь №1103 – эвакогоспиталь № 1988 – эвакогоспиталь № 5801...

Спустя три месяца и пять дней непрерывных переездов и лечения госпитальная комиссия признала красноармейца Гнетнева Василия Ивановича «негодным с исключением с учёта» по причине проникающего сквозного осколочного ранения правого локтевого сустава. Он признан инвалидом Отечественной войны второй группы. Правая рука висела только на коже и на нескольких чудом сохранившихся сухожилиях, а пальцы чуть-чуть шевелились. Отец вспоминал, что отрезать руку не дал, мол, всё не пустой рукав будет. Таких, с пустым рукавом, в то время по Отчизне было пруд-пруди...

Очередное медицинское переосвидетельствование бывшему красноармейцу назначили через полгода. Видимо, комиссия еще надеялась, что локоть у него вырастет новый.

На этом война для моего отца закончилась.

За воротами эвакогоспиталя № 5801 бывший красноармеец Василий Гнетнев приобрёл новый социальный статус. Теперь он стал инвалидом Отечественной войны (замечу, что в документах военной и послевоенной поры писали именно так – Отечественной войны, а вовсе не Великой Отечественной, как привыкли мы). В день выписки 20 ноября 1943 года в Аргаяшском райсобесе ему выписали аттестат о назначении пенсии в размере 120 рублей и выдали её вперёд на месяц. Видимо, с этими деньгами он и отправился в Коми, к своим.

...Чуть не написал – домой. Но дома у него больше не было...

Нужно напомнить здесь, что на войну отец уходил семейным человеком. Где-то в Коми АССР жили его жена Анна Васильевна с сыном Константином и дочерью Серафимой. Однако с семьёй вышла катастрофа. Отцу писали на фронт, что супруга его безобразно ведёт хозяйство, не ухаживает за детьми и, мол, всё ей трын-трава. В результате недоедания и постоянных болезней сын Константин умер, а дочь Серафима фактически превратилась в инвалида. И отец к жене не вернулся. На содержание дочери Серафимы до самого завершения земной жизни он выплачивал алименты.

Через четыре года имя умершего сына он передал мне, изо всех сил стараясь, чтобы ненароком не умер и я. Мама рассказывала:

– Комнатка у нас была маленькая, и когда я купала тебя в жестяном корыте у печки, отец становился у двери и широко в стороны распахивал полы полушубка. Если вдруг кто-то входил, клубы холодного воздуха не сразу доставали до корыта...

Правда, это не помешало мне в ноябре 1947 года получить двухстороннее крупозное воспаление лёгких. Случилось это в долгом и трудном переезде из Коми в Карелию. Но, стараниями отца и матери, я как-то выкарабкался, сохранив на всю оставшуюся жизнь тёмные пятна в лёгких. Я давно привык к тому, что всякий раз при медосмотре рентгенологи бурно реагируют на них, и всегда предупреждаю, чтоб не волновались.

Вернувшись в Коми, отец получил пенсионное удостоверение инвалида Отечественной войны за №324. При заработке до мобилизации в 308 руб. 13 коп. пенсию ему назначили 231 руб. 09 коп.

Разумеется, с одной рукой ни о каком лесоповале, лесосплаве или бригадирстве и речи быть не могло. А что там, в лесных временных посёлках, можно было делать ещё? Его приняли в леспромхоз то ли

снабженцем, то ли завхозом. По крайней мере, в отцовских бумагах я нашёл доверенность от 1 августа 1944 года, по которой ему поручалось получить от Челябинской конторы Главснаблеса напильники для точки пил «согласно приказу Наркома Лесной Промышленности т. Салтыкова 6000 штук...».

Видимо, распределением напильников между леспромхозами нарком Салтыков занимался лично.

Думаю, отцу сразу стало понятно, что следует поскорее возвращаться в Карелию. На ББК его знали. И что самое главное – здесь он мог получить достойную работу даже с одной рукой. Однако, судя по всему, делом это оказалось непростым. Да, освобождён из ссылки, и фронтовик, и инвалид войны, но разве забыли где надо о кулацком прошлом? Чтобы выехать из трудпосёлка, нужны веские основания*. И вот в справке с очередного медицинского освидетельствования члены ВТЭК при Сыктывдинском райсобесе 14 сентября 1944 года, явно со слов отца, заключают: «...К физическому труду не способен, может работать надзорщиком шлюза».

Откуда им там, в Республике Коми, знать, кто такой надзорщик шлюза?

Члены ВТЭК в Сыктывкаре подписывают справку, в которой уже прямо говорится, что бывший красноармеец, а теперь инвалид второй группы «нуждается в переезде на старое место жительства работать по старой специальности надзорщиком шлюза». Указан и мотив: «Ввиду такого ранения и образования выяснилось, что в крайнем случае он нуждается возврату на свою специальность. В чём и дана настоящая справка».

Так или иначе, но в другом документе увольнение и выезд из Коми прямо связаны с неким постановлением Совета Министров СССР.

Проходит 1944 год, страна встречает Победу, течёт год 1945-й, а отец всё ещё в Коми. Что-то держит его здесь? Вероятно, в победном 1945-м он встречает мою маму.

...У меня есть серое, плохо различимое фото. На лавочке возле дощатой стены сидят два голубка – мой отец в пиджаке и кепке, из-под которой выбивается шикарный чуб, и мама, в сапогах, тоже в пиджаке поверх платья и с часами на правой руке. Часы явно мужские – с громадным циферблатом, окантованным светлой никелевой полосой. Теперь такие снова в моде у женщин. На обороте карточки рукой мамы написано: «1945 год. Август 16-го дня. г. Сыктывкар Коми АССР. Гнетнев Василий Иванович, Марютина Ал-дра Дм. Час дня. Дом колхозников».

Сидят они так, как чужие не сядут – слишком тесно. Поэтому, думаю, фото сделано не в честь знакомства пять минут назад. Это я к тому, что мне неведомо, когда они познакомились и при каких

обстоятельствах; даже когда поженились – не знаю. Никогда в семье об этом не говорили.

Сюжет требует представить здесь маму. Рассказ долгий, а знаю я о её жизни ещё меньше, чем об отцовской, поэтому обойдусь справкой. Даст бог, расскажу как-нибудь о матери подробнее.

Не будет большой новостью сказать, что и мама, Марютина Александра Дмитриевна, 1922 года рождения, оказалась в далёкой северной республике не по комсомольской путёвке. Решение о поездке принимал, как известно, Друг и Учитель, а везли её туда весёлые ребята в фуражках с голубыми околышами.

Отец мамы и мой дед, Марютин Дмитрий Иванович, 1903 года рождения, донской казак, высланный по постановлению Ново-Анненского райисполкома Сталинградской области от 15 апреля 1931 года. Рассказывают, что в 50 километрах от Сыктывкара был целый посёлок высланных казаков. По рассказам матери, дед имел большой рост и силу – любое дерево на лесосеке мог поднять за комель, и одежду для него подобрать всегда было делом непростым.

Вместе с дедом в Коми были высланы его дочери: Александра Дмитриевна – моя мама, Таисия (1925 г.р.), Анна (1930 г.р.), а младшая Валентина родилась в Коми (1939 г.р.).

Кто была его супруга и моя бабушка, неизвестно. МВД Коми почему-то назначило женой деда его старшую дочь, мою маму Александру. Сама же она рассказывала, что у её матери были роскошные волосы и умерла она от голода перед высылкой. По другим данным, супругой деда была Гринёва Ефросинья Александровна, 1915 г.р. Тогда почему же у неё другая фамилия? Может, стала женой уже в Коми? Или каким-то непостижимым образом высылки избежала? Но мы знаем, что на самом деле выбор у раскулаченных, не желающих ехать в ссылку, был невелик: умереть или убежать. А женщины, как правило, не бегали. Тем более казачки.

8 мая 1942 года деда призвали на фронт. Дочери уже давно были в детском доме в селе Вильгорт, и он поспешил в эшелон. Как лучшую ученицу мою маму из детдома перевели продолжать образование в педучилище в Сыктывкар, а после окончания (или до окончания – мама об этом никогда не говорила) направили на работу в леспромхоз в должности кассира.

К тому времени маме исполнилось 22 года, она пребывала под надзором и потому находилась в полном государственном распоряжении. Да и

* В справке о сроках пребывания под надзором с ограничением прав и свобод, выданной 31.10.1996 года МВД Республики Коми, говорится, что отец снят с учёта 22 октября 1942 года.

**Фото
из семейного альбома**

*Дед Д. И. Марютин
на поселении в Коми
до войны*

*Гнетневы. Василий Иванович,
Александра Дмитриевна,
Константин.
Начало 50-х гг.*

*С. Н. Гнетнева,
бабушка.
Село Грызлово
Долгоруковского района
Литецкой обл.
Фото 20-х гг.*

*Василий Гнетнев,
Александра Марютина,
г. Сыктывкар.
16 августа 1945 года*

представить себе в доброй советской школе ссыльную в роли учителя очень затруднительно. Мама работала в Шиладорском лесопункте, потом в Кочееге и снова в Шиладоре...

После войны вернувшийся в поселок сосед, которого вместе с дедом взяли на фронт, рассказывал, что в воинской части никак не могли подобрать деду обычную для рядового бойца форму и в конце концов выдали офицерскую шинель светлого сукна. Сосед рассказывал матери, что в последний раз видел деда идущим в атаку якобы в Мясном Бору. Он торчал над атакующим воинством в своей шинели как очень заманчивая мишень... Вскоре пришло известие, что дед пропал без вести. Однако, по рассказам двоюродной сестры Валентины, он похоронен на Пискаревском кладбище...

Как бы там ни было, но сразу после войны отец и мать нашли друг друга. Так пишут в толстых романах. Ещё бы неторопливым романским слогом описать их дорогу в Карелию...

21 сентября 1947 года родился я, 6 октября они

зарегистрировали моё существование в поселковом совете, а 8 октября выехали из Коми на Беломорско-Балтийский канал имени товарища Сталина.

Обстоятельства моего рождения дают основания иногда шутить, что я родился в ссылке матери, а жизнь прожил в ссылке отца. Смешно, конечно, но с какой стороны ни глянь, всё получается политссылный...

8

«Приказ. По Сосновецкому техническому участку Упр. пути №133 от 25 ноября 1947 года.

Содержание: По личному составу.

Назначается: 1. Гнетнев Василий Иванович с 1/XII 1947 г. старшим надзорщиком 17 шл. с окладом содержания 503 руб. в месяцц...»

Вторым назначением в приказе на должность судопропускницы значилась младшая мамина сестра Таисия. Вероятно, отец привёз с собой на канал и всех маминых сестёр. Таисия работала на 16-м

шлюзе, что на северном склоне ББК, Анна на местном флоте в Повенце, то есть на южном склоне.

Это сейчас для стороннего глаза жизнь на ББК представляется тихим зелёным раем. Тогда было иначе. Две лебёдки с двумя съёмными ручками на голом бетонном устое каждой шлюзовой головы, маленькая деревянная будочка поодаль. В будочке грубые брезентовые плащи на стенах, в углу в деревянном коробе телефонный аппарат с ручкой и несколько керосиновых фонарей. За будочкой, прислонённые к стене, полдесятка багров.

Эту картину я хорошо помню и сегодня...

Между домами в посёлке голо, ни деревца, ни кустика, только битый камень да поляны щебня кругом, едва покрытые робкой травкой, не знающей, к чему прикрепиться корнями.

Зелёный рай нужно было создавать самим, причём в свободное от рабочих смен время...

Зиму 1947 на 1948 год канал готовился ко второй полноценной послевоенной навигации. В середине лета 1946 года завершилось восстановление разрушенных с началом войны шлюзов, водоспусков и плотин Повенчанской лестницы. Судоходство по каналу вновь стало сквозным – от Онежского озера до Белого моря. Работы для эксплуатационников накопилось много. Я читал в архиве тревожные докладные начальника Управления пути И. Н. Захарова, что боевые действия в зоне канала не дают обслуживать гидросооружения и значительная часть из них вызывает угрозу безопасности.

Навёрстывать упущенное за три с лишним военных года, строить, модернизировать, переводить лебёдки затворов и ворот с ручной механической тяги на электрическую, осваивать автоматику – всё это выпало на плечи послевоенного поколения работников ББК, не очень грамотных, неприветливых, с большими семьями и никогда не евших досыта...

Но была ещё и обычная жизнь. Основой более-менее сносного существования при маленькой зарплате оставались огороды, корова с телятами и курами да ещё лес и рыба. Без них здесь вряд ли бы кто-нибудь выжил в то время.

Как и прежде, отец регулярно ходит на ВТЭК. Врачебно-трудовая экспертная комиссия Беломорского городского совета два раза в год внимательно изучает, не растёт ли у него новый локоть...

Хорошо помню, как злили его эти регулярные унижения. Всякий раз, возвращаясь из райцентра, из длинных многочасовых коридорных очередей, в которых томилась израненные и изувеченные фронтовики, отец напивался и пьяный плакал и ругался. Помню, вспоминал какого-то Ваню без ноги:

– Ладно, у меня локоть. А у него-то что, новая нога появится?

И пьяно зло матерился...

Инвалидов в 50-е годы оказалось так много, что с ними никто не церемонился. Как понимаю теперь, задача перед собесами и ВТЭКа была поставлена прямо – как можно жестче перевести инвалидов войны в статус обычных граждан, чтоб работали, работали и ничего особого для себя от государства не ждали...

В полной мере государственная политика коснулась и отца. Вот передо мной несколько справок, выданных ВТЭК: 10 августа 1949 года – признан инвалидом второй группы; 10 февраля 1950 года – признан инвалидом второй группы; 10 августа 1950 года – признан инвалидом... третьей группы.

И как только это произошло, в пенсии ему отказали...

Совсем.

Почему? Что произошло с бывшим красноармейцем за семь лет, прошедших после второго ранения на фронте? Он стал здоровее и крепче?

Неизвестно, что увидели в нём врачи-эксперты, но мы-то знали, что у отца появились две новые и вовсе не лёгкие болезни – язва желудка и начальная стадия туберкулёза. Тем не менее на пенсию он рассчитывать больше не мог.

Не добившись справедливости в Беломорске, отец пишет бывшему командиру, командующему Волховским фронтом К.А.Мерецкову. Маршал Советского Союза Мерецков теперь командует Беломорским военным округом, его штаб поблизости, в Петрозаводске. К тому же он депутат Верховного Совета СССР. Отец, видимо, рассчитывает на понимание, мол, на одном фронте воевали, хоть и в разных местах. Вместе, как говорится, ковали победу...

Ах, какая сентиментальная история вышла бы для телевидения! Обиженный, израненный на фронте солдат как к последней инстанции взывает к состраданию своего полководца. И увенчанный наградами и властью полководец милостиво награждает старого солдата вниманием. Какое благородство! Слёзы рекой...

Но 17 ноября 1950 года вместо маршала солдату ответил начальник финотдела округа полковник-интендант Видасов. Ответ по-интендантски сух:

«... с пенсии Вы сняты закононо, так как согласно инструкции Министерства Социального обеспечения, утверждённой Постановлением Совета Министров Союза ССР от 10 октября 1948 года №3772, инвалиды III группы, работающие и проживающие в сельской местности, связанные с сельским хозяйством, обложенные сельхозналогом, права на пенсию не имеют...»

За каждой строкой звучит менторский голос интенданта: куда ты лезешь за своей крохотной

правдой, солдат? На что жалуешься? Был бы генералом, не таскал раненых товарищей по берегу Мги, а сидел бы в 100 километрах от передовой, в Малой Вишере, да дырки сверлил для орденов. 1943 год: орден Ленина и орден Суворова; 1944 год: орден Ленина, орден Суворова, орден Кутузова и орден Красного Знамени вдобавок; 1945 год: орден Ленина и орден Победы...

А после войны книжку мемуаров бы написал, в которой нет ни слова о немислимо чудовищных потерях ни 256-й дивизии, ни 311-й, ни других дивизий фронта, которым так блистательно руководил. Правда, книжка названа неточно – «На службе народу». Нужно – «На службе Сталину».

К слову, о том, что маршал сидел в лагере, мне известно...

Любопытно, что постановление Совмина, которым отменили пенсии инвалидам войны III группы, живущим на селе и «обложенным сельхозналогом», датировано 1948 годом. Вероятно, это не случайно. Известно, что именно в 1948 году все-народный праздник День Победы был фактически отменён и стал обычным рабочим днём. Вновь общегосударственным праздником его назначили только в 1965 году.

О причинах можно только догадываться. Однако некоторые историки полагают, что Сталин вовсе не считал 9 мая 1945 года победой. Его лично не устраивал результат войны, при котором он получил только половину Германии и пол-Берлина. Он хотел значительно большего.

Странно воспринимали День Победы мой отец и его товарищи, рядовые солдаты той страшной войны. Они совсем не гордились и не дорожили орденами и медалями, теряя или выделявая из

них блёсны, много пили и плакали. Солдат Волховского фронта Николай Никулин ещё в середине 60-х размышлял, почему могло родиться в России такое пренебрежительное отношение к человеку – и ныне живущему, и павшему на полях сражений? Вот его нехитрый вывод:

«Равнодушие к памяти погибших – результат общего озверения нации. Политические аресты многих лет, лагеря, коллективизация, голод уничтожили не только миллионы людей, но и убили веру в добро, справедливость и милосердие. Жестокость к своему народу на войне, миллионные жертвы, с легкостью принесенные на полях сражений, – явления того же порядка...»

Мне представляется справедливым печальный прогноз чудовищной селекции русского народа. Подобные явления с неизбежностью накладывают отпечаток на формирование генной памяти. Н. Никулин называет это бомбой замедленного действия, которая непременно взорвётся в XXI или XXII веке, породив поколения россиян, чуждых по духу тем, кто некогда создал и отстоял великую державу.

Отец трудился на Беломорско-Балтийском канале пока хватало сил. В мае 1968 года он оставил работу и меньше чем через два года умер, трёх месяцев не дожив до 57 лет. Он так исхудал, что бедная фельдшерница с 16-го шлюза Валя Бородина страдала, что не может найти для очередной инъекции подходящих вен. Стояли сильные морозы последних дней февраля. «Мне бы только до весны дотянуть, – бодрился он, когда после укола болезнь немного отпускала. – А уж там заживём...»

□

Константин Васильевич ГНЕТНЕВ

родился в 1947 году,

окончил факультет журналистики

Ленинградского государственного университета

и более 30 лет работал в периодических изданиях Карелии.

Член Союза писателей России,

автор очерковых и публицистических книг,

заслуженный журналист Республики Карелия,

лауреат премии Республики Карелия

в области культуры, искусства и литературы 2008 и 2014 года.

